

ПРИБАВЛЕНІЯ

къ

ЦЕРКОВНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫМЪ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СУНОДѢ.

№ 16

ЕЖЕПЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 16

СВЯТЫЙ СТЕФАНЪ, ЕПИСКОПЪ ПЕРМСКІЙ

(† 1396 года апрѣля 26).

26-го апрѣля сего 1896 года исполняется пять сотъ лѣтъ со дня блаженной кончины просвѣтителя зырянъ, святаго Стефана, епископа Пермскаго.

Подвиги святаго Стефана въ распространеніи истины евангельскаго ученія среди долопоклонниковъ были достойно оцѣнены его современниками; православная русская церковь издавна (съ XVI столѣтія) чтить его въ ликѣ святыхъ; церковная и гражданская исторія высоко ставятъ его заслуги въ дѣлѣ распространения христіанской церкви, русскаго просвѣщенія и гражданственности среди инородцевъ.

Жизнь и дѣятельность святаго Стефана относится къ XIV вѣку, къ той достопамятной эпохѣ, когда Русь, послѣ столѣтняго страданія отъ татарскаго разоренія и гнета, стала оправляться, приходитъ въ себя и возражаться къ новой жизни. Стефанъ Пермскій является однимъ изъ видныхъ представителей той умственной, нравственной и практической мощи русскаго духа, которая проявилась въ дѣятельности его такихъ современниковъ, какъ святаго Алексія митрополита, пре-

подобный Сергій Радонежскій, великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской; всѣмъ имъ пермскій просвѣтитель былъ лично извѣстенъ и пользовался ихъ расположеніемъ. Въ XIV вѣкѣ московскіе великіе князья, въ тѣсномъ союзѣ съ русскими іерархами, положили твердыя основы для объединенія и собранія раздробленной и разбитой Руси, для укрѣпленія государства на новыхъ началахъ. Въ то самое время, когда великій «воспитатель русскаго народнаго духа», преподобный Сергій, благословилъ русскую рать во главѣ съ Дмитріемъ Іоанновичемъ на подвигъ, увѣнчавшійся Куликовской побѣдой, съ которой началось освобожденіе отъ татарскаго ига и поступательное движеніе Руси на иновѣрный и иноплемennyй Востокъ, въ это именно время святаго Стефана выступилъ на проповѣдь Евангелія среди инородцевъ, которые давно платили дань Руси, но оставались въ язычествѣ: такъ одновременно съ борьбою материальнымъ оружіемъ началось просвѣщеніе Востока словомъ благодатной вѣры и знанія.

Жизни и подвиги святаго Стефана описалъ его современникъ и близкій къ нему чело-вѣкъ, инокъ Епифаній, самый выдаю-щійся писатель того времени, получившій прозваніе Премудраго, тотъ самый Епи-фаній, который составилъ и житіе преп. Сергія Радонежскаго. Онъ не былъ оче-видцемъ подвиговъ Стефана, но жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Ростовѣ во время при-готовленія къ этой проповѣди и встрѣ-чался и бесѣдовалъ съ нимъ послѣ въ монастырѣ преподобнаго Сергія и въ Москвѣ, когда Стефанъ приходилъ съ мѣста своей дѣятельности; бесѣдовалъ Епифаній и съ учениками и сотрудниками Стефана, приходившими изъ Пермской земли.

Святый Стефанъ былъ родомъ изъ го-рода Устюга, старой Ростовской колоніи, при слияніи Сухоны и Юга, въ недале-номъ разстояніи отсюда къ сѣверовостоку начинались поселенія тѣхъ инородцевъ-пермянь, просвѣтителемъ которыхъ онъ сдѣлался. Благочестивые родители его, причетникъ Устюжской соборной Успен-ской церкви Симеонъ и жена его Марія, рано отдали сына учиться грамотѣ. Ре-бенокъ обнаружилъ необычныя способ-ности, быстро выучился грамотѣ и сталъ вскорѣ канонаршшатъ и читать въ церкви. Отличался любознательностію, воспріим-чивостію и хорошей памятью, Стефанъ въ юныхъ лѣтахъ научился „всей гра-матичнѣй хитрости и книжней силѣ“. Онъ весьма прилежалъ къ ученію и перечиталъ множество книгъ. Чтеніе про-изводило на него сильное впечатлѣніе, и тогда онъ уже сталъ думать о своемъ призваніи. Онъ рѣшился принять ино-чество и продолжать свое образованіе. Биографъ не говоритъ, но можно съ досто-вѣрностію предположить, что еще въ юности въ Устюгѣ онъ изучилъ перскій языкъ отъ бывшихъ или проживавшихъ въ Устюгѣ сосѣднихъ пермянь. Навѣрно тогда же у впечатлительнаго юноши возгорѣлось желаніе послужить дѣлу про-свѣщенія темныхъ язычниковъ христан-скимъ ученіемъ; по, какъ начитанный и разумный, Стефанъ сознавалъ, что такое великое дѣло требуетъ серьезной подго-

товки. И вотъ онъ для этой подготовки отправляется въ митрополию Устюга, въ древній городъ Ростовъ Великій, кото-рый наряду съ Новгородомъ, былъ до того главнымъ средоточіемъ христанскаго про-свѣщенія въ сѣверной Руси. Здѣсь онъ при епископѣ Пареніи (въ 1365 г.) по-стригается въ иноки монастыря святаго Григорія Богослова, называвшагося Затво-ромъ, игуменомъ Максимомъ Калиной. Причиной выбора этого монастыря, нахо-дившагося близъ епископіи, было то, что „книги многи бяху ту, довольны суша ему на потребу почитанія ради“. Здѣсь съ прежнимъ усердіемъ и съ большою сознательностію Стефанъ предался сво-ему духовному образованію, извлекая изъ постоянного чтенія святыхъ книгъ руко-водство для иноческой добродѣтельной жизни и предстоявшаго ему просвѣ-тительнаго подвига. Биографъ его свидѣ-тельствуетъ, что Стефанъ не удовлетво-рялся простымъ чтеніемъ той или другой книги и статьи, а стремился вполне до-стигнуть смысла прочитаннаго, уяснить непонятное; онъ не пропускалъ случая побесѣдовать съ книжными мудрыми люди-ми и разумными духовными старцами: „еще видяше мужа мудра и князя и старца разумна и духовна, то ему се-вопросникъ и собесѣдникъ обѣи, и съ нимъ соводворяшеши и обнощеваше и утревеваше, распытаа ищемыхъ скоро-пытнѣ“. Подобныя бесѣды велъ онъ и съ любознательнымъ и начитаннымъ инокомъ Епифаніемъ и снисходительно и крѣпо выслушивалъ его замѣчанія *). Благодаря этому „притча разумна не гоняше (не ускользала) отъ него и толкова бы, и не удобъ вѣдомое зыскаемо бѣ и увѣ-даемо отъ него“. Предаваясь такимъ за-нятіямъ, Стефанъ пребывалъ въ постоян-номъ трудѣ и собственноручно писалъ

*) Епифаній въ своей похвалѣ святому Стефану говорить: „Иже иногда, живу сущу ти, быхъ ти досадитель, нынѣ же похвалитель; иже икогда въ тобою спирахся о нѣкихъ о приключихася: или словѣ о етерѣ, или о коемъждо стисѣ, или о строцѣ, но обаче поминалъ нынѣ твое долготерпѣ-ніе и твое многоразуміе и благопокореніе, самъ се себе усрамляю и окаяю“.

много книгъ. „Свѣдѣніе“ гораздо „борзо“, и эти книги по смерти его оста-вались свидѣ-тельствомъ его трудовъ. Не огра-ничиваясь сред-ствами просвѣ-щенія, какія мог-ли доставить то-гда славяно-рус-ская письмен-ность, Стефанъ рѣшился при-нестись за изуче-ніе греческаго языка, и нѣтъ ничего удиви-тельнаго въ томъ, что онъ нашелъ для этого спо-собъ въ Григорь-евскомъ мона-стырѣ въ Росто-вѣ. Въ Ростовѣ бывали епископы изъ грековъ, бывши сношенія съ Царьградомъ, являлись въ чи-слѣ ростовскихъ князей любители просвѣщенія, со-бравшіе и гре-чeskія рукописи, отчасти даже богослуженіе въ Ростовскомъ со-борѣ соверша-лось на грече-скомъ языкѣ: такъ въ XIII вѣ-кѣ ордынскій ца-ревичъ Пегръ, поражавшійся

Святитель Стефанъ, епископъ Пермскій.

благолѣпиемъ ростовскихъ хра-мовъ и богослу-женія, слышать, какъ въ ростов-скомъ соборѣ лѣ-вый клироушникъ по-гречески, а правый по-русски. Къ необхо-димости изучить греческій языкъ привелъ Стефана конечно и задуманный имъ пере-водъ на пермскій языкъ необходи-мыхъ книгъ хри-станскаго вѣро-ученія и бого-служенія: безъ справокъ съ гре-чeskимъ подлин-никомъ трудно было сдѣлать пе-реводъ со славяно-русскаго языка. Знаніе греческаго языка ему полез-но было конечно и для составле-нія совершенно новой азбуки для пермскаго языка. По словамъ Епи-фанія всѣ эти старанія сопровож-дались полнымъ успѣхомъ: „изучи-лся и греческой грамотѣ и книги греческія извѣче добрѣ, почиташе и присно имѣ-ше я у себя и бляше умѣя глаго-лати тремъ язы-

би, также и грамоты три умѣше, яже естъ рускѣ, греческии, пермени".

Всѣ эти труды святаго Стефана направлены были къ одной цѣли—къ проповѣди христіанства среди инородцевъ язычниковъ. „Понеже зѣло желаше, говоритъ Епифаній, и вельми хоташе еже шествовати въ Пермь и учити люди неврещеныи и обращати пѣвѣрныи чловѣки и приводити и ко Христу Богу въ вѣру христіанскую. Не токмо же помысли, но и дѣломъ створи... еже издавна то у него сдумано быше: слышалъ быше предподобный снѣ о Пермской земли, яко идолослужители въ ней суть... и о семъ скорбѣше не худѣ, како бы ихъ исхитилъ изъ руки вражіа“. Съ этою цѣлю онъ изучилъ пермскій языкъ и еще въ Ростовѣ изобрѣлъ для того совершенно новую азбуку (въ 1372 г.) и началъ переводить книги на пермскій языкъ. Посвященный въ іеродіаконъ ростовскимъ епископомъ Арсеніемъ (1374—1380 г.), онъ рѣшается наконецъ привести въ исполненіе свой давно задуманный планъ и отправляется въ Москву. Здѣсь, по смерти митрополита Алексія († 1378 г.), когда завѣдывалъ митрополіей архимандритъ Михаилъ (Митяй), онъ получаетъ посвященіе въ іеромонахи отъ Коломенскаго епископа Герасима. Къ этому же епископу Герасиму, бывшему намѣстникомъ въ Москвѣ, Стефанъ вскорѣ снова является и открываетъ свой планъ проповѣди христіанства среди язычниковъ—пермякъ, прося благословенія на апостольскій подвигъ: „Благослови мя, владыко, да иду въ поганскую землю, глаголемую Пермь, во языки заблудшая, въ люди невѣрныи; хошу учити я и крестити я: аще Богу помогающе и сдѣйствующу и твоимъ молитвамъ споспѣшествующа ми—да или научу я и обращаю я и приведу я ко Христу Богу, или и самъ главу свою положу за Христа и за вѣру и за доброе исповѣданіе, якоже рече апостолъ: *дарова бо ся намъ не токмо вонъ въровати, но и занъ страдати*“. Точно неизвѣстно, когда Стефанъ прибылъ въ Москву, но Епифаній свидѣтельствуетъ, что его хорошо зналъ великій князь Дмитрій Іоанновичъ, зная его предподоб-

ный Сергій Радонежскій; возможно, что Стефанъ бывалъ въ Москвѣ и до посвященія своего въ іеромонахи, еще при митрополитѣ Алексіи. Такимъ образомъ онъ былъ уже тамъ хорошо извѣстенъ, а потому епископъ Герасимъ, подвигшись „его благочестному предложенію и доброму дерзновенію“ и побесѣдовавши не мало, повелъ его въ церковь, помолился и благословилъ воздвизальнымъ престомъ на подвигъ. Жизнеописатель Стефана, Епифаній, влагасть въ уста епископа Герасима пространную напутственную рѣчь Стефану, которая, какъ и другія подобныя рѣчи въ житіи, арама красками рисуеть возрѣнія современныиъ Стефану просвѣщенныхъ людей и его самого на дѣло евангельской проповѣди.

Получивъ отъ намѣстника московской митрополічей каведры благословеніе, отпускную грамоту и необходимыи священныи предметы для освященія деревей и крещенія: святыи мощи, антимьяса, святое миро, священное масло и проч., Стефанъ отправился черезъ Ростовъ и своей родной Устюгъ въ Пермскую землю. Это было въ 1379 году.

Страна, въ которую отправился проповѣдывать Стефанъ, хорошо была известна русскимъ. Уже съ XI вѣка Новгородцы ходили черезъ нее даже за Уралъ для собиранія печерской или югорской дани, или за-Каменскаго серебра. Изъ за этой дани съ сѣверо-восточныи инородцевъ нерѣдко происходила борьба между новгородцами и князьями Ростовско-Суздальскими, а въ XIV вѣкѣ—и Московскими. Ростовская колонія, Великій Устюгъ, была крайнимъ населеннымъ русскими значительнымъ городомъ, отъ котораго и начинался путь въ инородческія сѣверо-восточныя области по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ и ея притоку Вычегдѣ и далѣе къ Печерѣ. Биографъ святаго Стефана, Епифаній, даетъ обстоятельный перечень сѣверовосточныи инородцевъ, съ указанием мѣста ихъ жительства по рѣкамъ Пермью онъ называетъ ту народность, которая и теперь известна въ одной своей (сѣверо-западной) вѣтви подъ именемъ

пермякъ, а въ другой (юго-восточной) подъ именемъ пермяковъ; земля Пермская по Стефанію—это обширная страна между рѣками Вычегдою (съ ея притоками) и Канюхою (съ притокомъ Вяткою). Святый Стефанъ проповѣдывалъ собственно зрячю по рѣкѣ Вычегдѣ и ея притокамъ, а сѣверному—Выму и южному—Сысолѣ. Пермь и пермяки, называющіе себя восточной группой народовъ финскаго племени.

Занимаясь преимущественно звѣроловствомъ, пермяне преданы были грубому идолопоклонству. Они почитали стихіи природы, которую населяли сонмомъ разныхъ духовъ и дѣлали многочисленныи изображения своихъ боговъ, украшали ихъ и приносили имъ жертвы, воздавая имъ такое поклоненіе. „Вѣху бо въ Перми, говоритъ Епифаній, кумари различныи: и большіи и меньшии, друзи же средныи, а инии нарочити и словутни, и инии мѣши, и нието же можеть исчесть ихъ; и нието убо рѣдци моляхуса и худу честь воздаяху, а другимъ же мнози не токмо можаху, но и дальнии погостови. Суть же у нихъ етери кумири, къ нимъ же иже чмеча прихожау и отъ дальнихъ мѣст поминки приношаху, и за три дни и за четыре и за недѣлю сущи, и съ всякимъ тѣщавіемъ приноси и поминки приношаху“. Это были „блвваны истуканныи, выдѣланныи, издѣбленныи, вырѣзомъ выдѣланныи“. Они ставились и въ домахъ, и въ особыхъ постройкахъ („привѣжкахъ“), и въ лѣсахъ, и въ поляхъ. Устраивались по мѣстамъ особыи кумирницы, и надъ идолами дѣлались кровли. Приносилось къ идоламъ множество разныхъ предметовъ или на жертву, или па украшеніе, и вѣшалось около нихъ; тутъ были украшения и другіе предметы изъ золота, серебра, мѣди, олова и желѣза, разнаго рода пелены, особенно же шкуры соболей, лисицъ, горностаявъ, ласицъ, бобровъ, медвѣдей, рысей и бѣлокъ. Походниками между богами и людьми были кумиры, кудесники, чаровники, обавники, какъ называетъ ихъ Епифаній, т. е. шаманы, которые, приводя себя въ экста-

тическое состояніе („волнвеніемъ одержимн суще, вѣрующе въ бѣсованіе“), производа разнаго рода чары и прозноса заклинанія, казался имѣющими общеніе съ духами, увѣряли, что они могутъ „напускать боговъ“, повелѣвать стихіями и распоряджаться судьбою чловѣка.

По вѣрованіямъ пермякъ, бога ихъ доставляли имъ всѣ блага жизни, но требовали за это разныхъ жертвъ и приношеній; посвященное богамъ считалось неприкосновеннымъ; за присвоеніе подобныхъ предметовъ, по ученію волхвовъ, боги жестоко наказывали виновныхъ. „Вѣ бо у нихъ преже дотолѣ пошлина была въ Перми сицева до крещенія: аще который пермякъ прикоснется къ кумиру, или возьметъ что отъ идолослуженія, или вданное и принесенное блваномъ, или намѣненное и обреченное бѣсомъ, или ипо что не повелѣнное и взбраненное или требно кумиромъ посяжетъ, то извергаетъ его и изломаетъ и испрятаетъ; тако бо на се блваху кудесы кудесники ихъ, да того ради никто же ничтоже не смѣяше взяти или втаю или вѣявѣ, или что украсти отъ кумирницъ или отъ идолоквѣренныхъ и отъ кумиротребныхъ“.

Поднявшись по Сѣверной Двинѣ отъ Устюга до впаденія Вычегды, святый Стефанъ съ молитвою къ Богу проникъ по этой рѣкѣ внутрь Пермской земли и утвердилъ свое мѣстопребываніе при устьѣ рѣки Выми, гдѣ находилось значительное поселеніе. Уже на пути къ этому мѣсту Стефанъ началъ свою проповѣдь, обличая суетность идолопоклонства и внушая понятіе объ истинномъ Богѣ и христіанской вѣрѣ. Сначала онъ велъ бесѣды съ отдѣльными или нѣсколькими лицами и привлекалъ ихъ къ себѣ силою убѣжденнаго слова и любовнымъ отношеніемъ. Вскорѣ же отдѣльныи лица стали принимать святое крещеніе и держались около своего учителя, пылая къ нему горячею любовью. Но по мѣрѣ умноженія послѣдователей христіанской вѣры стала рости и вражда упорныхъ язычниковъ къ святому Стефану. Онъ долженъ былъ терпѣть разныи угрозы и оскорбленія.

Разъ обступила его толпа язычниковъ „съ ослопы и съ великими уразы, смерть панести ему хотяще“. Въ другой разъ подобная же толпа окружала Стефана и хотѣла предать его сожженію, обложивши сухой соломой. Стефанъ съ полнымъ безстрашіемъ встрѣчалъ такіа угрозы и силою молитвы и слова обезоруживалъ враговъ. Привлекаемые ученіемъ, любовью и кротостью Стефана, послѣдователи его сдѣлались ему помощниками. По указаніямъ учителя, они вырубали лѣсъ, очищали мѣсто, проводили рвы и насыпи на холмахъ при устьѣ Выми *). Для удовлетворенія нуждамъ новообращенныхъ христіанъ и для показанія язычникамъ красоты христіанскаго богослуженія, Стефанъ вскорѣ приступилъ здѣсь къ постройкѣ церкви во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, „въ начатокъ просвѣщенія земли Пермскія, яко же и Благовѣщеніе спасенія нашего бѣ начало“. Трудами рукъ своихъ онъ соорудилъ церковь и украсилъ ее. Въ ней впервые пермскіе жители слышали божественную службу на своемъ языкѣ. Въ этой церкви Стефанъ ежедневно горячо молился объ обращеніи язычниковъ и продолжалъ свою проповѣдь, привлекавшую новыхъ послѣдователей. Но много было и враговъ: разъ, замѣтивши Стефана въ уединенномъ мѣстѣ, вооруженная луками толпа язычниковъ окружила его и грозила ему смертью; мужественный проповѣдникъ отвѣтилъ на эти угрозы проповѣдью о безсмертіи души и будущей жизни и обезоружилъ враговъ. Зная страхъ язычниковъ предъ ихъ идолами, Стефанъ пришелъ однажды на мѣсто, гдѣ «нарочитая ихъ кумирница, и покушашесь идолы ихъ разорити, и опроверже триеща ихъ, и боги раскопа, и Божію силою нарочитиго ихъ кумирницу зажже и пламенемъ запали ю». Въ кумирницѣ тогда никого не было, но онъ „не отбѣжа абіе отъ мѣста того, но сѣдѣше на мѣстѣ томъ, аки ождѣя нечего грядущаго на ся“. И вотъ язычники, узнавъ о пожарѣ кумирницы, „съ многою

*) Объ этомъ говорится въ позднѣйшихъ сказаніяхъ о св. Стефанѣ, составленныхъ на основаніи мѣстныхъ преданій.

лростію и великимъ гнѣвомъ, яко зѣрѣ дивнѣ, устремишася нань, единаче съ дрѣво коліемъ, друзи же отъ нихъ мнози похващашу топоры объ одну страну остры, обступивша же его отсюду и остриемъ топоровъ своихъ хотяху сѣщи его, кличуща вкупѣ и нехлѣпа глаголюще и безчинныи гласы испущающе нань... И бѣше видѣнъ его промежу ими, яко овца посреда волкъ: не сваряшеся, ни боряшеся съ ними, но съ кротостію слово Божіе проповѣдающе имъ... И рудѣ свои въздѣвъ аки на смерть уготовившъ, со слезами къ Богу глаголаше: „Владыко, въ рудѣ твоѣ предаю тебѣ духъ мой, се бо за имя Твое Святое вдахся, Тебе ради изволихъ пострадади вся си, да явлю имя Твое челоувѣкомъ симъ; обрати, Господи, поганыхъ въ христіанство, да и тѣ будутъ братъ наша, примше святое крещеніе, да Тѣ съ нами вкупѣ славятъ!“ И тако помоляся Богу, пребысть цѣль отъ нихъ, и никто же возложи руки нань, яко не убо бѣ ударенъ или уязвенъ отъ кого, но Божію благодатию цѣль сохраненъ бысть отъ нихъ и не вредимъ отъ нихъ пребысть“.

Сокрушивши языческую кумирницу, Стефанъ смѣло и горячо сталъ проповѣдывать передъ многолюдной толпой об истинномъ Богѣ и убѣждать къ оставленію идолопоклонства. „О челоувѣди, что се творите? И азъ тако же челоувѣкъ есмь, по благовѣствую вамъ слово Божіе и велю вамъ: отступате отъ сихъ суетныхъ жрътвъ... оставитесь болвановъ и кудсовъ и всѣхъ пермскихъ пошлнхъ. познайте истиннаго Бога и Творца всемогущаго спасти душа ваша! Азъ бо придохъ къ вамъ, братіе, сказую вамъ благодатданную мнѣ, яко аще вѣруете и креститесь, спасени будете, и възвѣщамъ вамъ царство небесное; аще ли не вѣруете и не креститесь, то осужени будете въ муку вѣчную“.

Постоянная неустанная проповѣдь Стефана имѣла успѣхъ, многие начинали вѣровать и обѣщали креститься и потомъ крестились. „Аще бо и съ яростію и гнѣвомъ преже устремишася нань, но обаче увѣщевашуся въ мѣрѣ кротостію его“.

такъ мало по малу умножалось стадо христово. Многие изъ некрещеныхъ стали собираться въ одно мѣсто — или въ новопоставленной церкви Стефана, или въ другое мѣсто куда приходилъ къ Стефану для бесѣды и споровъ о вѣрѣ. Многие не крещеные часто приходили къ церкви, „но на молитву чающе, не яко спасенія требующе, или молитвы ради пририщующе, но видѣти хотѣюще красоты и доброты и зданія церковнаго, и бяху наслажающеся зрѣньемъ пребываху и паки отхожаху“.

И проповѣдь, и священное служеніе въ храмѣ производили на пермякъ сильное впечатлѣніе; они видѣли, что новопришедшій изъ Москвы игуменъ разорить ихъ вѣру, они сознавались, что не въ силахъ бороться съ нимъ словомъ; только силою можно его изгнать или умертвить, но кротость его, уклоненіе отъ всякой ссоры обезоруживаетъ ихъ.

Вслѣдствіе проповѣди святаго Стефана произошло между пермяками раздѣленіе въ двѣ части, „христіанъ новокрещеныхъ“ и „кумирслужителей невѣрныхъ“. Послѣдніе враждебно относились какъ къ самому Стефану, такъ и къ его послѣдователямъ. На защиту язычества выступили „волхвы, кудесники, чартворцы и прочіе старцы“, которые стояли „за вѣру свою и пошлину Пермскія земли“. Они старались крещеныхъ пермякъ вернуть къ идолопоклонству, производили возмущенія и сопротивлялись Стефану, вступая съ нимъ въ многочисленныя и продолжительныя пренія о вѣрѣ. Глубокоуважаемому и прекрасно подготовленному миссіонеру не трудно было одерживать побѣду въ словопреніи, волхвы къ слазну ихъ послѣдователей постоянно терпѣли поражение, а терпѣніе Стефана, кротость и горячая любовь ко всѣмъ заставляли язычниковъ колебаться сначала, а потомъ рѣшительно переходить на его сторону. Пылая ревностію о спасеніи язычниковъ, „многи досады отъ нихъ приимае, и за то не гнѣвався на нихъ всѣхъ, а съзвѣщавъ приключшихся ему, ни оскорбѣ, ни злоупотрѣ, не круподушенъ сый, и не злоупотрѣ, но паче приложисъ къ любви

спасенія ихъ и желаа обращенія ихъ, всѣхъ уча и наказуа, моли и кротя старцевъ ихъ яко отца, средовѣчныя же яко и братію, уныа и младнѣя дѣти яко чада присна“. Такое отношеніе святаго Стефана заставляло удивленныхъ пермякъ, крещенныхъ и некрещенныхъ, вести такого рода бесѣды: „слышасте, братіе, словеса мужа того, иже отъ Руси пришедшаго? видѣсте ли терпѣніе его и презрѣнную его любовь еже къ намъ? Како въ толкахъ тѣснотахъ и не отступи отсюду? а мы велико небреженіе и непослушаніе покажемъ къ нему, и за то не гнѣвашеся на ны, но ни единому насъ не рече зла слова, ни отвратиса отъ насъ, ни сваряшеся, ни бѣяшеся съ нами, но съ радостію трѣпаше сився; намъ на животъ и на спасене Богомъ посланъ естъ, и еже глаголетъ царство небесное и муку вѣчную и отместіе и възданіе комуждо по дѣломъ, аще бы се было не тако, не бы сице терпѣль; но и кумирници наша разори, и боги наша распалъ естъ, и не моглаго едо предати: се естъ вѣистину рабъ великаго и живаго Бога, иже створишь небо и землю; и елика словеса отъ него реченна быша, вся истинна суть“. Слѣдствіемъ такихъ размышленій и разсужденій было то, что слышай Стефанъ имѣлъ радость видѣть, какъ пермяне, мужи и жены и дѣти, толпами приходили къ нему, прося крещенія. И святой Стефанъ по обычаю сначала училъ ихъ, оглашалъ и потомъ крестилъ.

Видѣвъ съ крещеніемъ при своей церкви, святой Стефанъ сталъ обучать взрослыхъ и дѣтей избрѣтенной имъ пермской грамотѣ, заставлялъ ихъ читать часословецъ, осмогласникъ, псалтирь и другія книги. Тѣхъ, которые оказывали успѣхи, онъ предназначалъ однихъ въ священники, другихъ въ діаконы, въ подьяки, чтецы и пѣвцы, самъ обучая пѣнію. Продолжая переводъ на пермскій языкъ необходимыхъ книгъ, онъ самъ переписывалъ ихъ и обучал письму (своихъ учениковъ, которые потомъ обучали другъ друга, и такимъ образомъ умножалось число книгъ. Имѣя уже значительную паству, свя-

тый Стефанъ приступилъ къ построенію новыхъ церквей, какъ на Усть-Выми, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Это было еще до посвященія его въ епископы. Епифаній ничего не говоритъ, кто и гдѣ поставилъ новыхъ священниковъ; если таковыя дѣйствительно тогда уже были при Стефанѣ, то они посылались для посвященія въ Москву. Вмѣстѣ съ построеніемъ церквей святой Стефанъ усердно истреблялъ идольскія банища, одинъ со своими послѣдователями ходилъ по лѣсамъ, полямъ и по погостамъ, вырывалъ идоловъ, раскалывалъ на щепы топоромъ и предавалъ сожженію вмѣстѣ со всѣми приношеніями и украшениями, которые въ изобиліи находились при нихъ; никакихъ вещей отъ идоловъ онъ и самъ не бралъ, и запрещалъ брать что либо ученикамъ, служившимъ ему. При томъ страхѣ, который имѣли пермяне къ своимъ идоламъ и капищамъ, понятно ихъ изумленіе передъ тѣмъ, что святой Стефанъ безнаказанно совершалъ истребленіе идоловъ; поражало ихъ и полное безкорыстіе Стефана, истреблявшаго вмѣстѣ съ идолами дорогіе предметы, и они говорили: „како не пріимаше себѣ всего того въ пользу? како не испаше себѣ въ томъ прибытка? како отринуся и презрѣ толико имѣнія си, како поврѣже и потопа погама си толика стяжанія?“ Разсѣвая недоумѣніе язычниковъ, Стефанъ излагалъ имъ христіанское ученіе о нестяжательности.

Несмотря на такой успѣхъ, достигнутый святымъ Стефаномъ, въ землѣ Пермской оставались еще сильные ему противники въ числѣ волхвовъ. Изъ числа ихъ выступилъ на борьбу съ христіанскимъ проповѣдникомъ пѣту Памъ. Это былъ глубокой старикъ, занимавшій первое мѣсто между волхвами и имѣвшій въ своихъ рукахъ власть надъ пермянами въ званіи „сотника“; онъ пользовался славою искуснѣйшаго заклинателя и чародѣя („обавникомъ старѣйшина“, „мечетникъ“, „нарочитъ чудесникъ“, „на волшебныя хитрости всегда упражнялся“); пермяне называли его „наставникомъ и правителемъ“ и говорили, что его

волшебствомъ управляется пермская земля и его вплипомъ утверждается идольская вѣра. Съ ненавистью относился христіанству, онъ сталъ убѣждать крещенныхъ пермякъ не слушать Стефана, а крещенныхъ всѣми мѣрами старался вернуть къ идолопоклонству, онъ убѣждалъ ихъ словомъ, заклятіями и рами, ласкою и посулами. Онъ зывалъ ихъ къ патриотизму и убѣждалъ не слушать московскаго проповѣдника: „Братья! мужи Пермстїи! отеческихъ боговъ оставляйте, а жертвъ и требъ ихъ не забываютъ, а старыя пошлїны не помядывайте, давная вѣры не пометывайте еже творїша отцы наши, тако творїте мене слушайте, а не слушайте Стефана, еже новопрїшедшаго отъ Москвы: отъ Москвы можетъ ли что добро быти намъ. Не оттуду ли намъ тяжести быша, и даны тяжкїя и насильства, и тивуни и доводщицы и приставницы? Сего ради не слушайте его, но мене паче слушайте, добравамъ хотящаго: азъ бо емь родъ вашъ и единая земля съ вами, и единыя родъ и единоплеменены, и едино колѣно, и единыя языки; азъ бо емь вашъ давнїи учитель, и подобаше вамъ мене послушати, старца суца и вамъ акї отца паче нежели оногo русина, паче же москїтина и млада суца предо мною верстоготѣлесною и малолѣтна, уна суца возрастомъ, лѣты же предо мною яко сына, и яко внука мнѣ“. Но крещение пермякъ отвѣчали, что уже побѣждены словами Стефана и плѣнены его ученіемъ, и любовью и утѣшеніемъ и не могутъ отступать отъ познанный ими истины. Упрекнувъ въ трусости и маловѣрїи своихъ земляковъ, Памъ продолжалъ: „азъ же крѣпко нанъ вооружуся и принесу малъбище богамъ своимъ и пожру жертвы; створю о томъ кудесы и напушу боги своа многа нанъ, и ижденуть ѿ, и угрѣшати и сѣрушати, и тако потреблѣнїе будетъ отъ лица моего“. Но послѣ того, что своими глазами дотолъ видѣли новообращенные христіане, такіа слова Памъ вызывали у нихъ только насмѣшку: „Безумне старче, говорили они: что всѣ хвалилися на истиннаго раба Божїа

Съ бо Стефанъ и боги ваша раскопалъ, и не могоша его вредити; еже съ волхвоу чародѣи кумировъ сѣмавъ плены, и комета отгроху своему, именовъ Матфѣйку, и сотвори въ нихъ чаша и опуска моговища, и износи я безъ пакости и вреда; се же сотвори не яко прибытка, но на поруганіе идолъ. Да аще мнѣ нѣма былъ точь преже Перьминъ, послѣдиже зроровавъ и крестись и бысть ему ученикъ; и не могоша ему кумири зла створити: и аще ученика не могоша вредити, колымъ же учителя? Тѣмъ отъ сего паче разсѣхомъ, яко суегни и немощи и прѣдъстїи божи твои; еже себѣ не могутъ сѣособити, тебѣ ли пособитъ?“ Не желая прѣпираться съ волхвомъ, они говорили: „Ты же, чародѣявый старче, что рече, оставя главу, и къ погамъ бесѣдѣ спирайся, а не съ нами“. Считаю себя чародѣемъ, Памъ также смотрѣлъ на Стефана и думалъ, что и христіанскїй проповѣдникъ чарами же привлекъ къ своей сторонѣ пермякъ, и надѣялся побѣдить его своимъ волшебствомъ. Много и долго затѣмъ препирался Памъ съ самимъ Стефаномъ, но безъ успѣха. Наконецъ, указывая на сокрушеніе Стефаномъ идоловъ, какъ на святотатство, Памъ, въ качествѣ начальника („сотника“), грозилъ ему казнью по своему закону и страшалъ тѣмъ, что „сотворитъ кудесы“ и „многи боги напуститъ“ на него погубленіе. Стефанъ отвѣчалъ проповѣдью о безсилїи языческихъ боговъ. Невѣримость Стефана отъ языческихъ боговъ Памъ пытался объяснить ихъ добротою и милосердіемъ и превосходство своей вѣры защищалъ такимъ образомъ: „вѣра наша многимъ паче лучше есть нашей вѣры, понеже у васъ у христіанъ явнъ Богъ, а у насъ мнози божи, мнози востѣшшици, мнози поборници: тѣ намъ ловля и все елико въ водахъ, и елико на воздусѣ, и въ блатѣхъ, и въ дубравахъ, и въ борѣхъ, и въ лужахъ, и въ порослѣхъ, и въ чашахъ, и въ березникѣ, и въ соснягѣ, и въ ельничѣ, и въ раменѣ, и въ прочихъ лѣ-

сѣхъ; и все елико на древесѣхъ, бѣлки, или соболи или куницы, или рыси и прочая ловля наша; отъ нихъ же и до васъ достигнуты ннѣ нашею ловлею, и ваши князи, и бояре, и вольможи обогащаемы суть, въ нѣже облачаты и ходятъ и величаются подолки ризъ своихъ. Не наша ли ловля и въ орду посылаются и досылаютъ и до самаго того мнимаго Царя? Но и въ Царьградѣ, и въ Нѣмци, и въ Литву, и въ прочая грады и страны, и въ дальнїя языки“. Даже охотничье искусство пермякъ Памъ объяснялъ прѣнуществомъ своей вѣры: „у насъ единыя челоуѣкъ, или самъ-другъ, многожды исходить братсы съ медвѣдемъ“ и борется съ усѣхомъ, „у васъ же на одинаго медвѣда мнози исходятъ числомъ яко до ста или до двю сотъ“, и часто возвращаются ни съ чѣмъ. Памъ увѣрялъ также, будто какими то чудеснымъ образомъ они узнаютъ въ тотъ же часъ, „что сдѣется на дальнїей странѣ, на ипомѣ градѣ, на девятой землѣ“.

Не трудно было конечно святому Стефану отвѣчать на подобныя рѣчи, но старый Памъ оставался упорнымъ: „азъ въ вѣрѣ, въ ней же родихся и воспитался, и возрастохъ, и изжилъ и состарѣхся, въ ней же пребыхъ все дни живота моего, въ той да умру; ей же обыкшу ми, и нынѣ на старость не могу ея отврещися и похулити“. Памъ говорилъ это отъ лица всѣхъ пермякъ. „Еда лучши емь азъ паче отецъ моихъ, да сіа сотворю? Се бо отцы наши, дѣды и прадеды и пращуры тако пожиша, азъ ли добрѣйши ихъ обращаюся?“. Памъ требовалъ новыхъ доказательствъ истины христіанства, и Стефанъ долго и много бѣсѣдовалъ съ Памомъ, но убѣдился, что „аки на воду сѣявъ“. Всѣ объясненія Стефана онъ признавалъ ложью, баснями кощуннами и выдумками. „азъ не вѣрую, аще не прїиму искушенія вѣры“, говорилъ онъ. Стефанъ согласился на испытаніе огнемъ и водою, предложенное Памомъ. Когда собрался народъ, Стефанъ объяснилъ, что не повѣдуетъ стихїямъ, но разъ сдѣланъ ему вызовъ, то онъ готовъ пострадать, надѣясь на милость Божїю.

Когда по указанію Стефана запалена была одинокая храмина, онъ сталъ звать Пама пройти вѣстѣй черезъ огонь, но волшебникъ, не смотря на настоянія Стефана и народа, не хотѣлъ пойти, утравившись пламени. Точно также онъ отказался исполнить собственное же предложеніе— пойти въ прорубь на Вычегдѣ, чтобы потомъ выдти въ другую, ниже. Свое посрамленіе передъ народомъ Памъ старался оправдать увѣреніемъ, что Стефанъ въ дѣтствѣ своемъ научился отъ отца своего «волшебствомъ и чарованіемъ умоуливати огонь и воду», онъ же хотя и искушенъ въ чародѣйствѣ разнаго рода, но «умоуливати огонь и воду или преобидѣти» не умѣеть: «у батька своего сего не навыхохъ», говорилъ Памъ. Но знавшіе Стефана люди отвѣчали: «Ты твориши, яко Стефанъ чарованіемъ тя побѣдилъ: еже не буди тогда, и не лыстися суетными міра сего; сего бо и не училъ есть отнюдь, но Стефанъ изъмлада училъ есть святыя книги, могущая его умудрити и како угодити Богу, и обрѣтесе ему трое: вѣра, любви, надежда». Теперь дѣло приняло другой оборотъ. Народъ хотѣлъ предать казни Пама, но Стефанъ ограничился только запрещеніемъ ему совращенія новокрещенныхъ и пребыванія въ христіанскихъ поселкахъ.

Побѣда надъ волхвомъ Памомъ доставила услоукоеніе Стефану: больше не оставалось уже вблизи ошасныхъ враговъ, и онъ могъ съ большимъ удобствомъ заняться устроеніемъ пермской церкви. Но вслѣдствіе дальняго разстоянія отъ Москвы трудно было часто сношиться съ нею въ дѣлахъ, касавшихся епископа, какъ напримеръ поставленіе въ іерен, діаконы, игумены (Святій Стефанъ заводилъ хотѣлъ и монастыри), освященіе церквей и т. д. Послѣ четырехлѣтней проповѣди въ Пермской землѣ святій Стефанъ отправился (въ концѣ 1383 года) въ Москву къ великому князю Дмитрію Іоанновичу п митрополиту Пимену просить назначенія особаго епископа для пермской земли, гдѣ „жатва приспѣла есть, и жатва убо многа, а дѣлатель мало“. И великій князь, и митрополитъ

отнеслись къ этому дѣлу съ полнымъ вниманіемъ, но они никоимъ образомъ не нашли болѣе достойнымъ и способнымъ къ епископскому служенію въ Пермской землѣ, какъ самого апостола и учителя пермякъ Стефана. На предложеніе митрополита Пимена освященный соборъ выразилъ полное согласіе. «Наипаче же князю великому зѣло за честь бже поставленія его, бѣ бо ему знаемъ зѣло и долблани издавна». Биографъ Стефана, Епифаній изображаетъ то удивленіе, которое чувствовалъ онъ при неожиданномъ назначеніи Пермскимъ епископомъ самого Стефана, который „не вѣдалъ бывающаго, еже быти ему епископомъ тѣмъ, и не добивался владычества, ни вертѣлся, ни тщался ни наскакивалъ, ни накупалъ, ни насуливалъ посулы, не далъ бо никому же ничтоже, и не взялъ у него отъ поставленія никто же ничтоже, ни дара, ни посула, ни изды: нечего бо баше и дати ему, нестяжаніе стяжавшу ему, но и самому даваша елико потребнаа, елико милостиви и христіюбци и страннолюбци, видяще Бога ради бывающее творящо, и митрополитъ Бога ради поставъ его и спасенія ради новообращающихся новокрещенныхъ людей“. Одаренный великимъ княземъ, митрополитомъ, боярами и другими христіоименитыми людьми, Стефанъ отправился (въ началѣ 1384 года) въ свою епископію и съ новою энергіею принялся за преемное свое дѣло. „Пріѣхавъ въ свою сп епископью паки попервоу держашесе устроеніе, и свое обычное дѣло имѣяше, и слово Божіе проповѣдаше въ дрзновеніемъ, и невозбранно учаше а, елико гдѣ осталоса отъ некрещенныхъ, изыска сюдю и сюдю: въ кнхъ предѣлъхъ обрѣташе, сіа отъ поганыхъ обращаше и крещаше. Всѣхъ же крещенныхъ своихъ учаше въ вѣрѣ пребывать и напредъ поспѣвати. И грамотѣ пермской учаше я, и книги писаше имъ, и церкви святыя ставляше имъ и свящаше, иконами украшаше и книгами исполняше и монастыри наряжаше и въ черньци пострѣгаше и игумены имъ устрояше и священники, попы и діаконы самъ поставляше. И попове его дерскимъ языкомъ

сказу, обѣдню, заутреню же и вечерню пермскою рѣчию поуху, и канонархия его пермскимъ книгамъ канонархаша, и чтеніе чтеніе чтиуху пермскою бесѣдою, „И баше видѣти чюдо въ землѣ пермской же всякое пѣніе пермски возглаваху“. „И баше видѣти чюдо въ землѣ пермской, восклицаетъ Епифаній: идѣже преже баше идолослужители и бѣсомолци, ту бѣсомолци льяшася; идѣже преже баше храмы идольскія и жертвища идольскаа, ту церкви святыя возстахуся, и монастыри, богомолья чистыхуся: кумирьская лѣсть и идолослуженіе отгнася и благодать богоразумія восіа, и христіанская процвѣта“.

Желая испытать твердость вѣры новообращенныхъ христіанъ и еще болѣе утвердить ихъ, святій Стефанъ однажды обратился къ нимъ съ такими словами: „До нынѣ млекоу питахъ вы, а уже отъ нынѣ твердоу пищу достоитъ кормить и черствымъ брашномъ питати вы. Нынѣ убо покажите ми первіе отъ дѣлъ вашихъ вѣру свою: аще кто вѣренъ и гудуръ хотяи быти изо всѣхъ и болѣе всѣхъ любовь имѣти ко мнѣ, да изыщеть и испитаеъ, аще гдѣ взвѣдаеъ кумирь естъ таящесе, или въ своемъ дому, или близняго си, у сосѣда, или индѣ гдѣ стовенъ втау, да обрѣтъ изнесетъ и на среду предъ всѣми, и ревнуа по вѣрѣ, да тако своима рукама да сотретъ н; да аще кто сиде сѣтворитъ, сего азъ на до всѣми възлюблю и восхваляю и подарю. Онъ же то слышавше, каждо ихъ тѣпаше другъ предъ другомъ, дабы гдѣ видѣти и избрѣсти тающесе кумирь, дабы кто варивъ первѣе показалъ свое ищаніе. И баше видѣти тогда дивно прошежу ими: аще бы кто и хотѣлъ, лице вѣруа о вѣрѣ, свой кумирь потаити, но не можаше: сами бо къ себѣ созирахуся, бождо бо блюдяшесе, преже даже по другъ его не обличитъ“.

Успѣхи апостольской проповѣди святаго Стефана сдѣлались извѣстными далеко за предѣлами Пермской земли. Не только въ Москвѣ, но и по всей землѣ русской распространилась слава о Пермскомъ проповѣдѣ и вызывала всеобщую радость и удивленіе.

Для своей паствы святій Стефанъ былъ въ полномъ смыслѣ отцемъ и благодѣтелемъ. Онъ всегда кормилъ нищихъ и помогалъ бѣднымъ. Много разъ во время нужды и голода онъ привозилъ хлѣбъ изъ Вологды и Устюга и раздавалъ безплатно. Всѣ находили у него радушный приемъ и привѣтъ. Установился обычай, что всякій пріѣзжій въ Усть-Вымъ, всякій, плившій по Вычегдѣ по торговымъ или другимъ дѣламъ, считалъ своимъ долгомъ прежде всего посѣтить епископа, получить отъ него благословеніе, и всякаго посѣтителя епископъ принималъ, благословлялъ, наставлялъ и „учреждалъ“, угощаль. Онъ всегда являлся усерднымъ ходатаемъ о нуждахъ пермякъ передъ Московскимъ великимъ княземъ и другими властями: „бысть ходатай ко князю о жалобѣ нашей“, говорятъ, по изображенію Епифанія, пермяне въ своемъ плачѣ по кончинѣ Стефана, „и о льготѣ, и о пользѣ нашей, и ходатайствоваше и промышленяше; къ болромъ же, къ началомъ, властемъ мірасего, былъ памъ заступникъ теплъ, многажды избавляя ны отъ насилія, и работы, и тивуньскія продажа и тяжкыя даны облегчалъ ны“. Святитель Стефанъ оберегалъ и защищалъ пермякъ и отъ внѣшнихъ враговъ. Не рѣдко нападали на пермякъ Вогулы по верхней Вычегдѣ, Вятчане по Сысолѣ и новгородская вольница, „ушкуйники“, по нижней Вычегдѣ. Стефанъ лично выходилъ противъ враговъ и заставлялъ ихъ удалиться и отдавать обратно награбленное. Въ теченіе своего тринадцатилѣтняго епископства, святитель Стефанъ не разъ оставлялъ мѣсто своего служенія и ѣздилъ въ Москву и Новгородъ. Тогдашній новгородскій владыка Алексій обратился къ просвѣщенному миссіонеру пермской земли съ просьбою о содѣйствіи въ борьбѣ съ волновавшею въ то время новгородскую и псковскую церковь ересью стрягольничковъ. Пермскій епископъ вручилъ новгород-

скому владыкѣ письменное изложеніе и обстоятельное опроверженіе ереси стригольниковъ. Это сочиненіе святителя Стефана служить теперь важнѣйшимъ источникомъ для изученія ереси стригольниковъ, а въ то время его такъ высоко цѣнили въ Новгородѣ, что распространили въ видѣ патріаршей грамоты, присоединивъ въ началѣ отрывки изъ грамотъ двухъ патріарховъ Константинопольскихъ, Нила и Антонія *). Ересью стригольниковъ Стефанъ могъ заняться и по собственному побужденію, въ интересахъ своей паствы. Биографъ его Епифаній говоритъ, что Стефанъ въ послѣдніе годы своей жизни убѣждалъ пермякъ беречься и удаляться еретиковъ и церковныхъ раздорниковъ, а по смерти его, оплакивалъ потерю своего пастыря, пермяне жаждутся, что „рать еретиковъ наступаетъ и лють зѣло вооружается на церковь“, при чемъ ясно отличаются еретики отъ иновѣрцевъ — идолопоклонниковъ. Таими опасными еретиками въ то время могли быть только стригольники.

Въ 1390 году святой Стефанъ ѣздилъ въ Москву для участія въ церковныхъ дѣлахъ. Къ этой поѣздкѣ пермскаго просвѣтителя относится трогательный разговоръ о взаимныхъ привѣтствіяхъ двухъ великихъ свѣтильниковъ земли русской, преподобнаго Сергія Радонежскаго и святителя Стефана Пермскаго. Разсказъ этотъ содержится въ житіи преподобнаго Сергія, написанномъ тѣмъ же Епифаніемъ Премудрымъ, который составилъ и житіе Стефана.

На пути въ Москву, поровнявшись съ монастыремъ преподобнаго Сергія, святитель Стефанъ, питавшій горячую любовь къ Радонежскому подвижнику, спѣша въ Москву, рѣшила отложить личное свиданіе съ нимъ до обратнаго пути, но съ колесницы, сотворилъ молитву и, обратившись въ сторону монастыря, поклонился преподобному Сергію, говоря: „миръ тебѣ, духовный брате!“ Въ это время преподобный Сергій сидѣлъ на трапезоу вмѣстѣ съ братією. Вдругъ онъ встаетъ, творитъ молитву и говоритъ съ поклономъ: „Радуйся и ты, пастырь стада Христова, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою!“ Изумленная братія послѣ трапезы стала спрашивать своего игумена, что значить его поклонъ и привѣтствіе. Прозрливый старецъ отвѣчалъ, что въ это время епископъ Стефанъ на пути въ Москву воздалъ поклонъ Святой Троицѣ и благословилъ ихъ братію. Нѣкоторые изъ иноковъ захотѣли увѣрится въ этомъ и, поспѣшавши на московскую дорогу, видѣли тамъ святителя Стефана.

Въ Москвѣ въ это время былъ новгородскій великій князь Василій Дмитріевичъ митрополитъ Кипріанъ, съ уваженіемъ относившійся къ пермскому епископу. Вмѣстѣ съ митрополитомъ и нѣсколькими епископами святитель Стефанъ ѣздилъ тогда въ Тверь для суда надъ тверскимъ епископомъ Василиемъ, на мѣсто котораго поставленъ былъ Арсеній, причисленный къ ливу святыхъ.

Возвратившись въ свою епархію, Стефанъ продолжалъ обычные свои труды. Не взирая на болѣзнь, иногда его постигавшую, онъ продолжалъ переводить съ русскаго и греческаго на пермскій языкъ и писалъ книги. Изображая заслуги и достоинства пермскаго просвѣтителя, Епифаній говоритъ: „Сій убо единаго много тѣданіе створи и много терпѣніе показа, тружаяся и подвизаяся, наставляя люди, обращаая и научая; иже вса богословныя глаголы православныя вѣры въ вѣщавъ, иже святое евангеліе узь узь говоря, къ сямъ же и божественныя апостольскыя учении навазуй, и рчи пророкъ и гаданія, и събѣсѣдуй Богу учений сей мужъ, иже ветхое и новое учение въ устѣхъ нося и божественныи духомъ направляемъ же и настаиваемъ и сподвизаемъ, просвѣщаль ихъ истиннымъ богоразуміемъ“.

обобрѣтенная святымъ Стефаномъ пермская азбука и переводъ на пермскій языкъ божественныхъ книгъ вызвали у современниковъ много толковъ и разсужденій. Одни, по словамъ Епифанія, особливо въ Москвѣ, удивлялись, какъ это Стефанъ могъ устроить пермскія книги, тогда у него такая премудрость. Другіе же въ отвѣтъ на это, говорили, что онъ великій философъ и приобщивъ къ себѣ сына философа, изобрѣтателя славянской азбуки. Нѣкоторые же осуждали дѣло Стефана; они говорили: къ чему это новшество: вѣдь жили же пермяне до сихъ поръ по старинѣ безъ грамоты? Къ чему изобрѣтать новую грамоту на короткое время, на какіе-нибудь 120 лѣтъ, до конца второй тысячи, за которою послѣдуетъ кончина міра? А если ужъ пужна была старина, такъ должно было всего лучше имѣть готовую — русскую и научить пермяковъ. Епифаній осуждаетъ такія мнѣнія, и утверждаетъ дѣло Стефана примѣромъ святыхъ Кирилла и Меодія и примѣняетъ къ пермской азбукѣ повторять то, что говорилъ Черноризецъ Храбръ въ защиту славянской азбуки. Нѣтъ сомнѣнія, что Стефанъ пермскій хорошо былъ знакомъ съ подвигами святыхъ Кирилла и Меодія и во всей своей просвѣтительской дѣятельности руководился ихъ высокимъ примѣромъ. Только съ ихъ трудами могутъ быть сопоставлены миссіонерскіе труды святаго Стефана.

Въ началѣ 1396 года святой Стефанъ снова собрался въ дальній путь въ Москву, къ митрополиту Кипріану, по дѣламъ церковнаго управленія и для разрѣшенія многихъ каноническихъ и другихъ вопросовъ. Но вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ заболѣлъ. Во время болѣзни часто навѣщали Стефана не только его спутники, но и многія другія лица, многіе бояре и самъ великій князь Василій Дмитріевичъ. Предчувствуя близость смерти, святой Стефанъ призвалъ къ себѣ привѣщавшихъ съ нимъ изъ Пермской земли пермяковъ, ризничихъ, подьяковъ и др. и сказалъ имъ трогательное просвѣдательное слово, въ которомъ просилъ ихъ лично или письменно передать оставлен-

ной имъ Пермской паствѣ свой послѣдній завѣтъ. Въ ней онъ говорилъ между прочимъ (по изложенію Епифанія): „Вѣсте, братіе, волику скорбь пріяхъ, колико томленіе подъяхъ въ земли Пермскѣй, и колико пострадахъ въ странѣ той, утвержая вѣру, уставливая крещеніе, законъ полагая, зѣло повсегда пекися, день и ночь моля Бога, да ми отверзеть дверь милосердія, да приметъ молитву мою, да спасетъ люди свои. Богъ же челоуколюбецъ не презрѣ молитвы моея, но исполни прошеніе мое, приведе люди въ вѣру. И се есте съвершени во крещеніи. И се нынѣ, братіе, предаю вы Богу и словеси благодати Его, могущу Ему васъ соградити и съхранити и спасти. Прочее же, братіе, стойте въ вѣрѣ крѣпцѣ, неподвижнѣ, държите преданіе, еже предахъ вамъ, и вѣру, юже есте отъ мене пріяхи“.

Блаженную кончину свитаго Стефана Епифаній Премудрый изображаетъ такъ: „Мало побесѣдовавъ промежю собою (съ пріѣзжими пермянами) о душеполезныхъ и вся добрѣ расправивъ и розрядивъ, и тако простеръ носѣ свои на ложи своемы, и братіямъ предстоящимъ и канонъ обычный поющимъ и словословящимъ и самъ съ братіями бесѣдоваше мала нѣкая словеса: овому отъ прозвиреть кадильницею съ фимьяномъ покадити веляше, овому же молитву отходную промовити, овѣмъ же кауупъ по исходѣ души проглаголати. И еще сушу благодареніе во устѣхъ его и молатвѣ купно исходящи отъ устъ его, и аки нѣкому спати хотящу или воздремати начинающу, тихимъ сномъ тихо и безмятежно испусти духъ, преставися ко Господу“.

Кончина святаго Стефана послѣдовала 26-го апрѣля 1396 года на четвертой недѣлѣ по Пасхѣ въ среду вечеромъ. На погребеніе славнаго Пермскаго просвѣтителя, любимаго и чтимаго всѣми, собралось множество народа: князья, бояре, игумены, священники и міряне. Митрополита Кипріана, съ которымъ епископъ Стефанъ находился во взаимной любви, въ то время въ Москвѣ не было, онъ уѣзжалъ въ Кіевъ. Честное тѣло святаго Стефана положено было въ Москвѣ, въ

*) Въ рукописи (Синод. Библ. № 700, по „Описанію“ № 268) сочиненіе святаго Стефана надписано: „А сіе списаніе отъ правды святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ даль владыкѣ нагородскому Алексію Стефанъ, владыка пермскій (=пермскій, а не перемышльскій), на стригольники“. См. Памятники древне-русскаго каноническаго права, изд. А. С. Павловымъ (Русск. Историч. Библот., изд. археол. комиссією, т. VI, Спб. 1880 г., стр. 211).

монастырь святого Спаса (что на Бору, въ Кремль) въ каменной церкви на лѣво отъ входа, гдѣ и до сего времени почитаютъ его святая мощи подъ спудомъ. Горькую вѣсть привезли спутники святого Стефана въ Пермскую землю: этой вѣсти сразу не повѣрила бы горячо любившая своего просвѣтителя новообращенная пермская паства, если бы о томъ не свидѣльствовали привезенныя изъ Москвы ризница его, книги и прочія вещи. Жизнеописатель святого Стефана, Епифаній, въ прочувствованныхъ и изысканно-краснорѣчивыхъ трехъ плачахъ: плачѣ Пермскихъ людей, плачѣ Церкви Пермской и плачѣ собственномъ—, инокъ списающа— изобразилъ великую утрату, пощенную не одной только Пермской землей, но и всей русской церковью *).

Святый Стефанъ представляетъ собою высокій образецъ истинно апостольской проповѣди евангельскаго ученія среди язычниковъ. Вмѣстѣ со славянскими просвѣтителями, святыми Кирилломъ и Меодіемъ, онъ остается навсегда немеркнущимъ свѣтиломъ среди православныхъ христіанскихъ миссіонеровъ. Историческая заслуга Пермскаго просвѣтителя заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ положили плодотворное начало распространенію православной христіанской вѣры на иноземномъ и иновѣрномъ востокѣ и открылъ туда истинный путь для русскаго народа, съ которымъ постепенно сливаются просвѣщаемые имъ народцы.

М. Соколовъ.

Рѣчь пресвященнаго Никанора епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго,

сказанная при послѣднемъ священнослуженіи въ Архангельскомъ кафедральномъ соборѣ.

Достигайте любви (1 Кор. 14, 1)

Отцы и братіе! Вы знаете, сколь великъ законъ христіанскій и сколь необъятны многіе его заповѣди. А также вѣдомъ вамъ и то, какъ широка жизнь и какъ многообразны ея религіозно-нравственныя запросы. Что-же посему сказать вамъ въ настоящій знаменательный день, когда я въ послѣдній разъ бесѣдую съ вами, лидемъ къ лицу?

Скажу вамъ, отцы и братіе, чада и сестры по Христу, о томъ, что единю на потребу, заповѣдую вамъ, что составляетъ вѣчно живую и вѣчную заповѣдь: *да любите другъ друга, какъ Бога!* Но такъ какъ эта заповѣдь широка, зѣло, какъ говорить святый Іоаннъ Златоустъ, то я вамъ скажу только слово Апостола: *достигайте любви.*

Христіанская жизнь есть подвигъ, т. е. движеніе впередъ по пути къ совершенству. Апостоль Павелъ сравниваетъ это движеніе съ бѣгами скороходовъ на станицахъ, бывшихъ въ большомъ почетѣ у грековъ и другихъ древнихъ народовъ, у которыхъ многіе тщательно подготовились къ этимъ бѣгамъ, воздерживались отъ тяжелой пищи, упражнялись постоянно въ бѣгахъ поодинокѣ, вмѣстѣ съ другими и потомъ, наконецъ, выходили на станица предъ взоры всѣхъ, желавшихъ наглядѣться пріятнымъ зрѣніемъ строго выдержанной силы, ея умѣреннаго проявленія и привычнаго успѣха въ достиженіи намѣченной цѣли. Такъ и вы постепенно достигайте любви. Подвигъ христіанской любви великъ не въ томъ только смыслѣ, что арена его широка, мѣста и дѣла на ней доставятъ желавшимъ принять участіе въ сего подвигѣ, но и въ томъ, что подвигъ хри-

стискаго братолюбія и благопочтенія не имѣетъ безконечно. А посему никогда не переставайте упражняться въ подвигахъ христіанской любви и якогда неотчаяйтесь въ результатахъ достиженія совершенства въ ней.

Какъ на всякомъ большомъ ристалищѣ бываютъ многоразличныя поприща: малыя, великія и великія, такъ и здѣсь приемы честь и вѣшаютъ духовную радость, начавшіе подвизаться и съ 1-го часа и съ 2-го и 10-го, съ тѣмъ различіемъ, сколько любившіе много и возлюблены будутъ и сколько любившіе мало—мало возлюблены будутъ и Господомъ.

Помните, что подвигъ христіанской любви долженъ совершаться всѣми людьми, а раздѣляемъ награды за подвигъ будетъ нашъ Небесный Отецъ, Который такъ возлюбилъ міръ, что предалъ Свою на распітіе за насъ недостоинныхъ и грѣшныхъ, чтобы мы, видя хотя отчасти подражали Ему, каждый изъ насъ въ мірѣ правдивыми силами своихъ: или—проходя малое поприще, другой—проходя большее, а иной—и совершеннѣйшее. Достигайте же всѣ христіанской любви, и вы будете синопшниками и соратниками Христу, Который несомнѣнно милостиво воздастъ каждому по усилію его: кому честь, оному славу, а иному хотя и помилованіе только. И то хорошо. Но вы, отцы и сестры о Господѣ, никогда не забывайте о себѣ, что вы можете скоро достигнуть совершенства въ подвигѣ сему, а что уже достигли полноты любви.— Не только мы, грѣшныя, не достигли полноты и совершенства союза любви, но и вы, возлюбившіе самую крѣпкую любовь апостольскую—и тѣ до послѣдняго конца не мняте себя достигшими совершенства любви. Вспомните ревностнѣйшаго апостола Христа Петра! Онъ ли, кажется, не любилъ Христа? И однако трижды отрекся отъ Него. И за то плакался горько. И долго, долго плакалъ о несовершенствѣ своей любви.—Другой столь-же ревностный апостоль Павелъ пишетъ, что онъ уже жреть себя, т. е. приноситъ въ жертву Христу, ведется къ мученичеству за Него, и однако пишетъ, чтобы не мы-

слили о немъ, какъ уже достигшемъ любви.

Достигайте-же постепенно любви!

Много конечно способовъ и видовъ упражненія въ христіанской любви, начинающа съ любви семейной и оканчивая любовью міровою, вселенскою.

Но, братіе, имѣйте прилика въ любви немощныхъ въ вѣрѣ, напр. нашихъ инородцевъ: самоѣдовъ и лопарей, а также всякаго рода печастныхъ и бѣдныхъ, которыми богатъ нашъ скудный въ жизнерадостныхъ средствахъ студеный сѣверъ... *Нищія всегда имате съ собою*, сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Посему не задавайтесь тщетною мыслію совершенно упразднить бѣдность. Но старайтесь всемірно уменьшить злостраданія бѣдности, ограничить нищенство, для чего оказывайте помощь бѣднымъ всячески. Подвизайтесь въ проявленіи любви въ этомъ видѣ частно—по одиночкѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими, а болѣе всего сообща,—отъ лица Вселенской Христовой Церкви, Христа ради. Нынѣ насталъ въ сему отношеніи счастливый періодъ. Сама милостивая Всероссійская Императрица, какъ Мать Отечества нашего, приняла сіе дѣло подъ Свой особый покровъ, въ коемъ имѣетъ нѣкоторое участіе вашъ достославный землякъ, почтенный о. Іоаннъ. И высшій начальникъ сего края принялъ на себя попечительство надъ всеградскими бѣдняками. Ему соревнуютъ многіе другіе видные представители разныхъ общественныхъ слоевъ. Однако, знайте, что заповѣдь о любви широка зѣло, а потому много-различно достигайте христіанской любви. Молитесь другъ за друга и обо всѣхъ. Помолитесь, отцы и братіе, чада и сестры о Господѣ, прошу васъ усерднѣйше, и обо мнѣ, да и я достигну любви, такъ какъ и я мыслю себя не у достигша союза совершенства любви. Поприще мое, бывшее здѣсь какъ бы полемъ моей дѣятельности и проявленія подвиговъ христіанской любви, было необъятно широко. Оно простиралось отъ хладныхъ финскихъ скалъ до Угорскихъ горъ Сибири и отъ студеныхъ береговъ Ледовитаго

*) Житіе святого Стефана Пермскаго, написанное Епифаніемъ Премудрымъ, напечатано только однажды, въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, изд. Кушелевымъ-Безбородко, Спб. 1862 г., вып. 4, стр. 110—171. Одумается настоятельная потребность въ новомъ изданіи по лучшимъ и древнѣйшимъ спискамъ. Желательно также изданіе существующихъ въ рукописяхъ позднѣйшихъ сказаній о святомъ Стефанѣ, въ которыхъ вошли мѣстныя весьма цѣнные преданія, а вѣроятно и достовѣрные факты, которые не были известны Епифанію и не вошли въ его трудъ. На эти сказанія перѣдко встрѣчаются ссылки въ различныхъ статьяхъ о святителѣ Стефанѣ, но за отсутствіемъ изданія этихъ сказаній, невозможно проверить ихъ.